

В. Г. Белинский

Русская литература в 1840 году

Виссарион Григорьевич Белинский

Русская литература в 1840 году

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2824495*

Аннотация

Эта статья открывает серию годовых обзоров русской литературы. Белинский придавал особое значение жанру «обзрений». «Кто на литературу смотрит, как на что-то важное, – писал Белинский в 1843 году, – в глазах того обозрения литературы не могут не иметь большой важности. Литературные обозрения – это живая летопись мнений различных эпох». Литературные обозрения – «это итоги каждого года».

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

14

Виссарион Григорьевич Белинский Русская литература в 1840 году

Дай оглянись!
Пушкин

*Толпой угрюмою и скоро позабытой,
Над миром мы пройдем, без шума и следа,
Не бросивши векам ни мысли плодovitой,
Ни гением начатого труда;
И прах наш, с строгостью судьбы и гражданина,
Потомок оскорбит презрительным стихом, —
Насмешкой горькою обманутого сына
Над промотавшимся отцом!*
Лермонтов^[1]

Лет десять тому назад, когда были в большом ходу альманахи, беспрестанно появлялись так называвшиеся тогда «обозрения литературы». Частенько являлись они и в журналах. От этих «обозрений» сыры-боры загорались, поднимались страшные чернильные войны; «обозрения» давали жизнь литературе – в них принимала жаркое участие даже и публика, не только сами литераторы. Что же за причина была этому наводнению от «обозрений», этой страсти «обо-

зреть»?^[2] Или много литературных сокровищ было, так что боялись потерять им счет? Или так мало было этих сокровищ, что хотели знать наверное, чем именно владеют, и даже владеют ли чем-нибудь?.. Совершенно противоположные причины рожают иногда одинаковое следствие. Если тогда не были действительно богаты, то считали себя богатыми: назади было светлое торжество решительной победы юного романтизма (как выражались тогда) над дряхлым и чахлым классицизмом; в настоящем было если не действительное достоинство, то разнообразная, яркая пестрота все новых и новых явлений литературы; а в будущем... о, как полно блестящих надежд было это будущее!.. И в самом деле, если тогда и слишком обольщались своим богатством, то все-таки потому, что преувеличивали его, а не потому, чтоб не было богатства. Нет, было: один Пушкин мог бы своею поэтической деятельностью наполнить целый период любой европейской литературы. А ошибка заключалась в том, что тогда думали иметь не одного, а нескольких Пушкиных, то все же предполагали это в людях, которые, хотя далеко не были Пушкиными, однако сами по себе имели и теперь имеют свое значение, свое неотъемлемое достоинство. Если тогда надежды в будущем основывались частью на том, что все журналы и альманахи наполнялись отрывками из боль-

^[2] Первое «обозрение»: (Н. Греча) появилось в 1814 году в «Сыне отечества», но особенно «обозрения» распространились в альманахах и журналах 20-х и начала 30-х годов (их писали Бестужев, Плетнев, Киреевский, Надеждин и др.).

ших, на еще неконченных поэм, драм, повестей, романов, и даже появлялись первые томы «историй», которым никогда не суждено было окончиться, хотя и суждено было собрать обильную жатву заблаговременной подписки^[3] – то не забудьте, что это было время, когда о смерти Пушкина никто и не думал, когда Жуковский часто напоминал о себе превосходными произведениями. При жизни Грибоедова чего не могли ожидать от творца «Горя от ума»? Какою роскошною зарею занялся рассвет таланта Веневитинова, какой пышный полдень, какой обильный вечер предсказывало прекрасное утро его поэтической деятельности! А впоследствии чего не почитали себя вправе ожидать от талантов, произведших, не говорим «Новика», «Кощея бессмертного», «Юрия Милославского», но даже и «Киргиз-кайсака»?..^[4] Конечно, эти надежды поддержаны и оправданы только первым, и отчасти вторым; но, повторяем, в то время естественно было ожидать чего-то великого и от последних двух. Если тогда иные выходили, как говорится, «в люди» и приобретали громкое титуло поэтов только за гладкие стихи, то разве теперь не повторяется подобное явление, с тою разницею, что даже и не за гладкие, а за шершавые вирши, но только наполненные дикими, изысканными и безвкусными вычурами в обороте

^[3] Замечание Белинского относится к Н. Полевому и его неоконченной «Истории русского народа».

^[4] «Последний Новик» – И. Лажечникова, «Кощей Бессмертный» – Вельтмана, «Киргиз-Кайсак» – В. Ушакова.

мыслей и фраз?..^{5} Как бы то ни было, но тогда имели слишком достаточные причины «обозреть».

Нужны ли теперь «обозрения»? Есть ли теперь что обозреть?.. Мы уже сказали, что иногда совершенно противоположные причины производят одинакие следствия, – и потому утвердительно отвечаем, что теперь снова настает время «обозрений». Если б у нас не было ничего, достойного обозрения, то мы еще более должны *были* бы обозреть, потому что мы будем в выигрыше даже и тогда, когда окончательно узнаем, что у нас нет ничего: самое горькое сознание в бедности лучше смешного хвастовства воображаемым богатством. Если нам кажется несколько забавным прошлое время, когда обольщались «отрывками неконченных сочинений», то не подадим ли мы будущему времени более основательных причин смеяться над нами, гордящимися – ничем?.. Впрочем, кажется, еще нечего бояться итога, состоящего из одних нулей: если мы взглянем попристальнее на современную литературу, то в небольшом количестве ее страз и большом количестве булыжников найдем несколько и брильянтов. – Всему свое время: мы уже пережили период самообольщения, младенческих и юношеских восторгов; нам уже нужны не мечты, а действительность; для нас уже медный грош дороже миллионов рублей, вычеканенных из воздуха: словом, для нас настало время *сознания*. Посему «обо-

^{5} Речь идет о стихах Бенедиктова и о теории Шевырева, боровшегося против «гладкости» пушкинского стиха.

зрения» нашего времени должны быть основательнее, солиднее, так сказать: ибо их цель не похвалы людям своего прихода и брань на других прихожан, не лирические излияния чувства, гордящегося мгновенным успехом; но приведение в ясность существенного вопроса, сознание факта.

Вследствие этого мы и за дело должны приниматься не попрежнему. Рассуждая о чем-нибудь, мы прежде должны привести себе в ясность, *о чем* мы рассуждаем. Мы должны более всего избегать слов, которых значение, утверждено не мыслию, а общественным употреблением, временем и навыком и под которыми посему всякий разумеет, что ему угодно, ни мало не беспокоясь о том, что разумеют под ним другие. К таким-то неопределенным и произвольным словам принадлежит и слово «литература».

За всяким очарованием неизбежно следует разочарование – таков закон жизни. Эпоха перехода из юношества в мужество обыкновенно сопровождается разочарованием. Обогащенный опытами жизни, изведавший ее противоречия, переходящий в мужество, человек уже не бросается в крайности, не презирает старого потому только, что оно старое, не обольщается новым потому только, что оно новое. Мало этого: часто случается, что он обращается к старому и, в досаду всему новому, только в прошедшем видит хорошее, а в новом упрямо не хочет ничего видеть. Настоящий момент русской литературы ознаменован именно этим направлением. Повсюду слышатся жалобы на настоящее, похвалы прошед-

шему^[6]. Конечно, тут играет важную роль и разочарованное самолюбие, и другие *личные* причины, но в основании всего этого есть и часть истины; главная же причина – досада на себя за прошлое очарование, которое оказалось ложным. С тех пор, как на Руси печатаются книги, до настоящего мгновения, все повторяют: «Литература! литература! русская литература!», не дав себе отчета в значении вообще слова «литература», а следовательно, и в значении слов «русская литература». Обольтенные и ослепленные несколькими действительно великими проявлениями творческой силы в русском духе, мы не позаботились определить их отношения к так называемой русской литературе и потому никак не могли догадаться, что произведения наших великих поэтов – сами по себе, а русская литература – сама по себе, что между ими нет ничего общего и ни одно из них не доказывает существования другого. Эта мысль не новая: она давно уже затаилась в некоторых умах и временами пробивалась наружу, возбуждая удивление даже тех самих, которые ее выгова-

^[6] Белинский обличает славянофилов и казенно-патриотических писак. Первые начали с 1839 года развивать активную пропаганду своих идей. От них не отставали и такие рептильные издания, как «Северная пчела», «Сын отечества». В «Сыне отечества», в котором критикой заведывал Н. Полевой и сотрудничал барон Розен, твердилось непрестанно об упадке современной литературы (см. «Очерк русской литературы за 1838 и 1839 гг.», «Сын отечества», 1839, тт. VII, VIII, IX). В статье о «Репертуаре русского театра» («Отечественные записки», 1840, № 4) Белинский писал об этих статьях: «В них на один и тот же тон распеваётся одна и та же мысль, – что теперь все не так, как было, и в современной литературе видна одна посредственность...» (Полн. собр. соч., т. V, стр. 238).

ривали. Лет шесть тому назад вдруг раздался резко и громко вопрос: есть ли у нас литература? существует ли русская литература?^{7} Так как этот вопрос выговорен был среди общего очарования, когда публика в «Библиотеке для чтения» думала найти пышный и роскошный цвет русской литературы, и так как этот вопрос был совершенно неожидан, то тем сильнее и разнообразнее было произведенное им впечатление на всех и каждого. *Одни* приняли его за странность, имеющую, впрочем, прелесть новости; *другие* почли его за нелепый парадокс, за пошлую шутку над здравым смыслом; *третьи* увидели в нем непреложную истину; *четвертые* приняли его за оскорбление чувства народной гордости. Кто был прав, кто виноват? – Кажется, все были правы и виноваты, кроме последних, которые решительно не правы, ибо истина выше всяких чувств – и частных и народных, и смиренных и гордых, а сомнение есть первый шаг и единственный путь к истине. Что же касается до вопроса о существовании русской литературы, – много можно было бы сказать даже и в пользу существования ее; но мы хотим взглянуть поближе на отрицательную сторону вопроса и исследовать ее основательнее; Для этого надобно прежде всего определить предмет вопроса – значение слова «литература». Запутанность споров, делающая невозможным примирение спорящих сторон, происходит чаще всего от несоблюдения этого правила: обыкновенно начинают спорить, не сказав друг другу о чем

^{7} В «Литературных мечтаниях».

хотят спорить, и потому все споры бывают большею частию за слова, а не за идеи.

Но прежде нежели приступим к определению вопросного пункта, нам должно поговорить о предмете, который собственно чужд всякой внутренней связи с ним, но который, по причине общественного нашего образования, должен составлять приступ ко всякому рассуждению. Конечно, говоря о нем, мы будем иметь в виду совсем не тех людей, которые знают, что во всякой истине главное дело — сама же истина, а не повторение пошлых общих мест, которые все повторяют по привычке, не веря им.

Нет ничего смешнее и нелепее, как находить дерзким и даже преступным сомнение в существовании нашей литературы. Истина есть высочайшая действительность и высочайшее благо; только одна она дает действительное, а не воображаемое счастье. Самая горькая истина лучше самого приятного заблуждения. О, вы, чувствительные существа, так крепко держащиеся за свои бедные убеждения, предпочитающие самое грубое, но приятное для ваших конфетных сердец заблуждение горькой истине, — к вам в особенности обращаем мы речь свою. Вы приходите в дом умалишенных и видите человека, который, надев сверх своего вязаного колпака бумажную корону, почитает себя властелином: ведь он счастлив своим убеждением, так счастлив, что вам, знающим всю тягость жизни, должно б было от всей души завидовать его счастью — не правда ли?.. Но отчего же вы

смотрите на него с невольным сожалением и не можете без содрогания подумать о возможности для вас самих подобного блаженства?.. Видите ли, самая ужасная истина лучше самого лестного заблуждения? – А между тем как много на свете таких бумажных властелинов и не в одном доме умалишенных, а в своих собственных, и притом иногда очень богатых, домах, между людьми, которые пользуются известностью отлично умных голов?.. Гениальный Сервантес в своем «Дон-Кихоте» творчески воспроизвел идею этих бумажных рыцарей, для которых приятный обман дороже горькой истины... Как рады они своему несчастью, как горды своим позором!.. Неужели же им должно завидовать? Нет, вы смотрите на них с тем насмешливым состраданием, которое уничижительнее, обиднее полного презрительного невнимания!.. И потому, если бы результатом вопроса о существовании нашей литературы было горькое убеждение в ее несуществовании, и тогда мы были бы в выигрыше, а не проигрыше и обязаны были бы благодарностию и тому, кто сделал этот вопрос, и тому, кто решил его. Лучше благородная, сознательная нищета в действительности, нежели мишурное, шутовское богатство в воображении. Из всех родов нищих самые жалкие – испанские нищие, потому что они просят у вас не копейки христа-ради, а ста тысяч пиастров взаймы и, получив от вас копейку, гордо уверяют вас, что скоро возвратят вам с благодарностию ваши сто тысяч пиастров...

Но нам нечего бояться вопроса о существовании нашей

литературы и по другой причине: беспристрастное решение этого вопроса не сделает нас нищими, а только оставит нас при небольшом, но ценном сокровище и пооблегчит наши карманы от меди и мусора, в куче которых зарыто наше чистое золото. Пусть даже останется и медь, но только чтоб мы отличали свое золото от меди и не принимали медь за золото! Вот результат, которым будем мы обязаны вопросу о существовании нашей литературы, – результат прекрасный! Но, кроме того, и сам по себе этот вопрос должен радовать нас: с него начинается новая эпоха нашей литературы и нашего общественного образования, потому что он есть живое свидетельство потребности сознания и мысли. Пушкин не раз изъявлял свое негодование на дух неуважения к историческому преданию и заслуженным авторитетам отечественной литературы, – неуважения, которым обозначилось новейшее критическое движение: мы понимаем это оскорбление великого поэта, но не разделяем его. Этот дух неуважения не случайность, и причина его заключается не в буйстве, не в невежестве, но в разумной необходимости. Действительно одна истина, и только в одной истине благо и счастье; но истина сурова, неумолима и жестока до тех пор, пока человек только спустится к ней и еще не овладел ею. Первый шаг к ней, как мы уже сказали, – сомнение и отрицание^[8]

[8] Белинский полемизирует с Пушкиным, который писал в «Письме к издателю», что Белинскому недостает «более уважения к преданию, более осмотрительности». Следовательно, Белинский знал, кто был автором «Письма к издателю» (см. вступительную заметку к статье «Несколько слов о «Современнике»).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Примечания